

Сяо Цзичун внезапно замер и обернулся. Янь Жань, напуганный этим резким движением и непривычно суровым взглядом, тут же сжался. Он мгновенно понял, что сболтнул лишнего, и теперь выглядел как испуганный кролик, готовый в любую секунду броситься наутёк.

Видя, в какой ужас пришёл его спутник, Сяо Цзичун почувствовал, как всё его раздражение испаряется, не успев выплеснуться. Он лишь беспомощно вздохнул и, протянув руку, крепко ущипнул Янь Жана за щеку.

— Вечно у тебя голова забита всяким вздором. Ещё раз услышу от тебя что-то подобное, и я... и я...

Он замялся, не зная, какую кару придумать, и в итоге закончил с напускной суровостью:

—...и я буду кусать тебя за щёки!

Янь Жань поморщился от боли: мало того, что парень сжал кожу довольно сильно, так ещё и брекеты больно впились в слизистую. Но на душе у него стало сладко-сладко. Впрочем, показывать свою радость он не рискнул. Сделав максимально виноватое и испуганное лицо, он пробормотал:

— Больше не буду.

Из-за зажатой щеки голос звучал невнятно, а большие тёмные глаза заблестели от выступивших слёз, делая Янь Жана совсем уж жалким. Этот взгляд и жалобная мина обладали какой-то странной, почти мистической силой. Воздух между ними в одно мгновение точно наэлектризовался. Сяо Цзичун почувствовал, как сердце предательски ускорило бег. Ему стало не по себе, и он поспешно отдёрнул руку, но даже тогда кончики пальцев продолжали посылать в мозг сигналы о том, какой нежной и мягкой была кожа на лице друга.

Сяо Цзичун смущённо отвёл взгляд, окончательно растерявшись и не зная, что сказать. Янь Жань тем временем осторожно потёр щеку, всё ещё чувствуя прикосновение чужих пальцев — это была странная смесь боли и необъяснимого восторга.

— Сильно больно? — негромко спросил Сяо Цзичун.

Поняв, что можно немного подыграть, Янь Жань жалобно протянул:

— Кажется, брекеты порезали щеку изнутри... Чувствую вкус крови.

— Что?! — Сяо Цзичун не ожидал, что его щипок приведёт к таким последствиям. — Ну-ка, открой рот, я посмотрю.

Янь Жань замялся, чувствуя неловкость, но парень решительно взял его за подбородок, заставив приоткрыть рот, и внимательно осмотрел ранку. Там и впрямь выступила кровь.

Освободив его подбородок, Сяо Цзичун растерянно пробормотал:

— И что делать? Кровь идёт...

Янь Жань прижал язык к порезу, втайне ликуя, хотя на лице сохранял выражение скорбного страдания.

— Не знаю. Наверное, само заживёт. Это же как прикусить язык за едой — ничего страшного.

— Давай посмотрим, нет ли в аптечке мази от язв, — предложил Сяо Цзичун.

Аптечку для класса он принёс из дома. Это был своего рода благотворительный взнос, но собирала её мама, так что парень не был уверен, есть ли там что-то, кроме спирта, йода и пластырей.

Янь Жань поплёлся следом за ним к месту отдыха класса. Солнце пригревало, и на душе у него было так же тепло, хотя внутренний голос уже начал всю издеваться над ним: «Ну ты и жеманный манипулятор!»

Лекарства в аптечке не нашлось. Цзичун хотел было сбегать в аптеку за школьными воротами, но на него навалилась куча дел старосты, а впереди маячили забеги. Помимо дистанции в три тысячи метров, он записался ещё и на двухсотметровку, а там скоро должны были начаться отборочные.

— Сможешь сам сходить купить мазь? — с надеждой спросил он.

Янь Жань поспешно закивал:

— Конечно! Иди, не беспокойся обо мне, всё в порядке.

Сяо Цзичун всё ещё чувствовал укол совести, но, разрываясь между делами, лишь бросил на прощание:

— Не тяни, сразу иди в аптеку.

Другие ребята, заметив их возню, начали расспрашивать, что случилось. Сяо Цзичун отвечать не хотел, поэтому Янь Жань, опасаясь лишних подозрений, пояснил:

— Да вот, брекеты щёку порезали, ерунда.

Остальные тут же расслабились:

— Ой, да я постоянно себе во рту что-то раздираю, — махнул рукой кто-то из парней. — Слюна всё обеззаразит, забей.

Сяо Цзичун ничего не ответил, лишь бросил долгий взгляд на Янь Жаня и ушёл на старт.

Лу Мин, который из-за своего невысокого роста ни в каких соревнованиях не участвовал и теперь помогал Кэ Линьлинь с хозяйственными делами, с раздражением наблюдал за этой сценой. Его бесило, что взгляд старосты вечно прикован к Янь Жаню. Он знал, что они соседи и теперь сидят за одной партой, но всё равно не понимал, почему Сяо Цзичун так носится с этим недотёпой. После того случая с «невинной» шуткой, когда староста жёстко поставил его на место, Лу Мин опасался открыто задевать Янь Жаня, но сейчас просто не выдержал:

— Староста, да забей ты, серьёзно. Царапина во рту — это ни о чём, слюна всё вылечит.

Сяо Цзичун лишь холодно глянул на него, коротко буркнул: «Угу» — и направился к беговым дорожкам.

Янь Жань, перехватив у Лу Дань камеру, тоже побежал к трассе, чтобы успеть сфотографировать забег друга.

В учёбе Жань талантами не блистал, зато сочинения писал отменно. В итоге почти все тексты для школьного радиоузла в эти дни вышли из-под его пера. Из двенадцати написанных им заметок в эфир попали восемь. Ходили слухи, что школа платит по пять юаней за каждый принятый текст — а сорок юаней по тем временам были весьма приличной суммой.

Помимо текстов, Янь Жань всюду шёлкал затвором, делая снимки для одноклассников. Да и ребята из соседнего, второго класса, прознав о его таланте, то и дело просили их сфотографировать, и Жань по доброте душевной никому не отказывал, обещая потом всё раздать.

Для элитного экспериментального класса спорт традиционно был слабым местом. Большинство финалов было назначено на вторую половину следующего дня и на третье утро, но из 17-го класса туда пробились немногие. Исключением стал Цзян Кунь — этот рослый, крепкий парень вышел в финал в беге на четыреста метров и прыжках в длину, в итоге заняв в обеих дисциплинах вторые места. Янь Жань сделал множество его снимков: Цзян Кунь обладал отличной атлетичной фигурой, и на каждом фото его движения казались воплощением силы и грации. Несмотря на заурядное лицо, кадры получались потрясающими.

У Янь Жаня, быть может, и были проблемы с математикой, но чувство прекрасного у него было

развито превосходно. К концу спартакиады он обзавёлся целой армией подружек и заслужил уважение многих парней. Особенно к нему привязался староста второго класса Се Цзэ. Тот, похотейски обняв Янь Жаня за плечи, с восторгом разглядывал свои фото на экранчике камеры:

— Слушай, да ты просто гений! Я здесь выгляжу как кинозвезда.

Янь Жань лишь смущённо улыбался в ответ.

Сяо Цзичун терпеть не мог Се Цзэ, хотя до поры до времени старался этого не показывать. Но, видя, как тот тактично и панибратски ведёт себя с Янь Жанем, он не сдержался:

— Тебе не кажется, что у тебя самомнение зашкаливает?

Места отдыха двух классов находились рядом, столы и стулья стояли вперемешку. Оба класса были сильны в учёбе и слабы в спорте, и, поскольку большинство ребят вылетели ещё на этапе отборочных, им нечего было делать на стадионе. Кто-то ушёл в кабинеты заниматься, но большинство сидели здесь и травили анекдоты.

И Сяо Цзичун, и Се Цзэ были лидерами, чью ауру невозможно было игнорировать. Когда староста 17-го класса внезапно сорвался на коллегу, по рядам пробежал холодок. Если бы это сказал Се Цзэ, все бы просто посмеялись над очередной шуткой, но в устах Сяо Цзичуна это прозвучало как открытая неприязнь.

Взгляды ребят сошлись на лидерах, атмосфера мгновенно стала тяжёлой. Несмотря на вечное соперничество в учёбе, ученики двух классов ладили между собой, особенно те, кто жил в общежитии.

Кто-то уже собирался перевести тему, чтобы разрядить обстановку, но Се Цзэ вдруг весело рассмеялся и пожал плечами:

— Ну зашкаливает и ладно, я же и впрямь красавчик! В отличие от некоторых зажатых тихонь, которые только и умеют, что дуться втихомолку! Ха-ха!

Сяо Цзичун мгновенно помрачнел. Он резко поднялся со стула. Янь Жань тут же вскочил следом, вклиниваясь между ними и отчаянно потянув друга за рукав.

Сяо Цзичун был не так толстокож, как его оппонент, и в словесной перепалке явно проигрывал. Пока остальные со страхом ждали, не дойдёт ли дело до драки, парень просто развернулся и быстро ушёл.

Он проиграл этот раунд, и от этого на душе было паршиво. Ударить Се Цзэ он не мог, оставалось только отступить, но этот уход больше напоминал позорное бегство, что злило его ещё сильнее.

Янь Жань бросился вдогонку:

— Сяо Цзичун, стой! Я ведь и тебя много фотографировал, не хочешь посмотреть?

— Не хочу, — огрызнулся Сяо Цзичун, не замедляя шага.

Янь Жань никогда не обижался, как бы парень на него ни срывался. Он упрямо семенил следом:

— Твои фотографии получились куда круче, чем у Се Цзэ, честное слово!

Цзичун замер на месте и искоса взглянул на него. Янь Жань тут же подскочил ближе и зататорил самым вкрадчивым тоном:

— Правда-правда! У меня почти вся флешка тобой забита, ты там в сто раз лучше этого Се Цзэ вышел.

Сяо Цзичун напустил на себя равнодушный вид:

— Мужикку не пристало так носиться со своими фотками.

Янь Жань застыл в замешательстве. Его маленькое лицо с огромными глазами, обрамлёнными густыми ресницами, выражало такую искреннюю растерянность и испуг, что выглядело почти трогательно.

Глядя на него, Сяо Цзичун почувствовал, как гнев утихает, сменяясь чувством вины: «Ну что я творю? Виноват этот придурок Се Цзэ, а срываюсь я на Янь Жаня».

— Ладно, я не злюсь на него, не переживай, — выдохнул Сяо Цзичун. — Просто не связывайся с этим типом. Он какой-то дёрганный, ещё заразишься от него этой дуростью.

Янь Жань про себя подумал, что Се Цзэ на самом деле парень неплохой, но вслух перечить не решился — лишь послушно закивал, подтверждая, что всё понял.

К утру третьего дня большинство соревнований завершилось. В центре внимания остались лишь два самых зрелищных события: мужской забег на три тысячи метров и женский на полторы тысячи.

Девушки стартовали первыми. Сяо Цзичун собрал участниц своего класса для напутствия:

— То, что вы вообще решились на это, уже подвиг. Нам не нужны медали и места. Бегите так, как позволяют силы. Если станет совсем невмоготу — просто сходите с дистанции, никто слова не скажет. Если захотите пить — просто протяните руку, мы будем бежать рядом и передадим воду.

После инструктажа он раздал всем по банке Red Bull. Девчонки сделали по паре глотков, и тут из репродукторов раздался призыв собираться на старте. Парни гурьбой пошли провожать своих спортсменов.

Ученицы второго класса, видя, как нежно и заботливо староста их соседней общается со своими девочками, начали подкалывать Се Цзэ:

— Шеф, ты только посмотри, как работает староста 17-го! А теперь посмотри на себя! Мы в тебе разочарованы!

Се Цзэ страдальчески закатил глаза:

— Да судя по тому, как громко вы на меня орёте, у вас дышалки побольше, чем у марафонцев. Какие-то жалкие полторы тысячи метров вас не напугают! А ну, покажите им всем класс!

— Если добежим, с тебя жареные крылышки! — застрочили девчонки.

— Хотите, я свою форму в ломбард сдам, чтобы вам на крылышки хватило? — парировал Се Цзэ.

— Шеф, мы все уверены, что с таким подходом ты до старости холостяком прокукуешь!

Се Цзэ лишь беспомощно развёл руками.

<http://bllate.org/book/17500/1662052>